

ЕСТЬ ЕЩЕ МУЖИКИ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ

Из современного русского литературного языка, как приходится констатировать нынче с горечью, почти полностью исчезло красивое емкое крепкое слово «мужик». Представитель сильного пола почему-то считается более приличным именовать мягким женским существительным «мужчина».

Может быть, именно по этой причине (известно ведь, как человека назовешь, так он и будет себя вести) в России так плохо обстоят дела с демографией. Потому что, хотя мужчин в стране много, мужиков же катастрофически не хватает.

Но они есть. Яркое подтверждение тому состоявшаяся на грани 2006 и 2007 годов экспедиция «Омский север», посвященная 425-летию присоединения Ермаков Сибири к России. Пятеро мужиков на трех снегоходах прошли по проселочным дорогам северных районов региона около полутора тысяч километров. К слову, у каждого из них не менее, чем по двое детей.

Поход по тайге длился почти пару недель. Новый, 2007-й, год путешественники встретили в 600 километрах от родного города. Инициировали это путешествие Омское отделение Русского географического общества, Омское аграрное движение и ФГУ «Территориальный фонд информации по природным ресурсам и охране окружающей среды».

Приятно осознавать, что ты был первым. И пусть даже не единственным первым, таких, как ты, первых было пятеро, и среди них ты не был первым, а все равно приятно. Впервые в истории Омской области экспедиция на снегоходах совершила многодневный переход. Потом, когда все страшное и неприятное - пронизывающий холод, блуждания по лесовозным дорогам - осталось позади, у нас у всех родилось ощущение огромного восторга: «Мы это прошли!». Но на вопрос: «А согласишься ли пойти снова?» лично я отвечаю честно: «Не уверен». Слишком много стрессов пережито. Опасностей, как ни странно, было меньше, чем представлялось, а стрессов и холода больше.

Предложение провести новогодние каникулы на открытом воздухе среди северных лесов нашей области впервые, еще в ноябре 2005 года, в разговоре с автором этих строк озвучил депутат Государственной Думы Сергей Воробчуков. И в тот раз я не сказал ни «да», ни «нет». Трусом казаться не хотелось, а мерзнуть неделю на сибирском морозе не тянуло. Поход же по каким-то причинам сорвался. Поэтому, получив через год новое предложение участвовать в северном броске, я охотно согласился и клятвенно заверил, что от данного слова не откажусь. Надеялся, что идея снова останется на уровне нереализованной мечты. А она реализовалась: поход состоялся, причем по усложненной программе. Если в 2005 году он планировался продолжительностью в одну неделю, то нынешний длился почти две недели: с 27 декабря 2006-го по 7 января 2007 года. Участники экспедиции прошли по территории Большеуковского, Усть-Ишимского, Тевризского, Знаменского, Тарского районов.

Наш поход не был обычным туристическим пробегом по таежным дебрям, чтобы испытать действие избытка адреналина в крови. Это была серьезная многоцелевая экспедиция, посвященная 425-летию присоединения Сибири к России, или, если уж быть исторически точным, воссоединения Сибири с Россией. Экспедиция «Омский Север» органично вписывалась в программные установки правительства Омской области по более полному использованию экономического потен-

Перед первым броском.
Участники экспедиции (справа налево)
Алексей Гнеушев, Сергей Воробчуков,
Сагадат Кашапов, Игорь Вяткин
и Виктор Гоношилов.

В ХОЛОДА ПО ТАЙГЕ

Наша газета уже рассказывала, что омский журналист и путешественник Виктор Гоношилов готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». По просьбе редакции автор любезно предоставил нам второй очерк из книги, который будет публиковаться в нескольких номерах «Криминал-Экспресса».

циала наших северных районов. Своей целью она также ставила привлечение внимания к природным ресурсам со стороны потенциальных инвесторов. Экспедиция также стремилась выяснить, насколько велики возможности, если брать за пример приполярные страны Европы, организовать туристические маршруты по красивейшим, не тронутым цивилизацией таежным лесам, и есть ли познавательный интерес для путешественников. Экспедиционная группа поначалу была сформирована из четырех человек. В нее вошли депутат Госдумы Сергей Воробчуков, руководитель ФГУ «Территориальный фонд информации по природным ресурсам и охране окружающей среды» Игорь Вяткин, геолог Алексей Гнеушев, тоже сотрудник ФГУ, и автор данного материала - журналист «Омской правды». Буквально в последний день в группу влился частный предприниматель Сагадат Кашапов.

САГА «БУРАНЫ»

Сильная сторона этого коллектива состояла в том, что каждый из его членов имел за спиной по несколько сложных маршрутов и был готов к экстремальным ситуациям. Слабая сторона заключалась в том, что мы были летними путешественниками. К слову, сведений об омских зимних путешествниках мне слышать не доводилось. К недостаткам группы следует добавить, что лишь один из нас, Сергей Воробчуков, имел опыт управления снегоходами. Двое ездили на мотоциклах и автомобилях, двое же вообще никогда не управляли автотранспортом. Техническое обеспечение экспедиции: два «немолодых» снегохода «Буран» и абсолютно новый, еще не прошедший обкатку снегоход «Тайга» руководителя экспедиции Сергея Воробчукова. А также пара грузовых нарт, на которых мы должны были везти экспедиционное имущество и горючее для своих машин.

Из Омска мы выехали 27 декабря, чтобы на следующий день стартовать из Больших Уков. Первая проба пера, то есть набор опыта в езде на снегоходах проводился за окраинными домами Больших Уков. На «Бураны», доставленные из Омска на грузовике, сели журналист «Омской правды» и частный предприниматель, поскольку они имели водительские удостоверения. Сразу же выяснилась пренебрежительнейшая вещь. Оказалось, что хотя «Бураны» по снегу идут так же красиво,

как показывается в кино, руля, однако ж, почти не слушаются, если проводить сравнение с мотоциклом. Стараются скатиться в любую ямку, которая попадает на пути. Охотно встают на бок, стремясь выбросить седока из седла.

Первые минуты езды на снегоходах дали самый мощный выброс адреналина в кровь за все время путешествия. Трудно сказать, что ощущал Сагадат, человек вежливо-скрытный, он сильно не откровенничал, я же чувствовал себя чертовски неловко. Когда за тобой, неумехой, наблюдают невесть откуда появившиеся любопытные, в душе хорошие чувства рождаются мало. Ты ведь неспособен сделать элементарное - развернуться на совершенно ровном месте.

Рвешь машину назад-вперед, газуешь не по делу. А уж когда первый раз снегоход вопреки твоей воле идет вдоль снежного увала дороги, встав практически на бок, в крови бурлит столько разных гормонов, что для эритроцитов места уже не остается. Если бы в экспедиции имелся еще один человек, умевший обращаться с техникой, я бы дезертировал, охотно уступив ему место. И совсем мутно было вспоминать, как совсем недавно ты уверенно говорил: «Я на мотоциклах всю свою сознательную гоняю. А, собственно, какая разница между «Ижаком» и «Бураном»? Да никакой!». Разница оказалась громадной - нет муфты, тросик газа крепится не к рукоятке руля, а к рычажку, который надо давить большим пальцем левой руки, он же, палец, с непривычки устает через десяток минут. Ручной рычаг переключения скоростей на левой стороне, где и газ. Для мотоциклиста крайне неприятная композиция. Передач, слава Богу, мало. Всего две - вперед и назад. Но хуже всего то, что, если руль у мотоцикла жестко управляет передним колесом, то руль «Бурана» - это всего лишь советчик. Машина захочет - послушается вывернутую рулем лыжу, а не захочет - и не послушается.

Пройдет несколько часов, прежде чем ты перестанешь бояться своего железного коня. Если позволяет дорога, давишь рычажок газа до упора в руль. Стрелка спидометра от привычек тридцати километров в час ползет к сорока, потом к пятидесяти. Затем чуть перешагивает этот показатель, и тут обязательно на дороге появляется либо уклон, либо наледь. Исполнив пару пируэтов, вырливаешь, как тебе кажется, на последних сантиметрах

либо от края дороги, либо от ближайшего дерева. Жизнь очень быстро отучает тебя от баловства. Но не навсегда. Время от времени ты все равно повторяешь свои скоростные ошибки. Для самоутверждения. Потому что ты - единственный пятидесятилетний в группе, где всем остальным лишь немного за сорок. Согласно Конфуцию, человек, перешагнувший 50-летний рубеж, в силу возраста обязан быть для окружающих наставником, гуру. Должны молодые на твоём примере для собственного же блага понимать: мужики в возрасте за полтинник - еще не старперы.

ЧЕМ СЛАВНЫ ЛИСТВЯГИ

Первый марш-бросок, который нам предстояло совершить, был протяженностью 80 километров. Это расстояние

от Больших Уков до затерянной в лесах деревни Листвяги. А от ближайшей областной трассы до селения около 60 километров таежной дороги. Вдоль нее нет ни одного населенного пункта. Листвяги - своеобразная деревня-отшельница в паре с небольшой деревенькой-спутником - Чебачихой в одиннадцать дворов. Большак безлюден. Однако, чтоб в связи с неопытностью водителей снегоходов не создавать опасности для движения даже редкому транспорту, мы сворачиваем с автотрассы на лесную просеку. По ней недавно прошла танкетка, оставив две глубокие колеи. Создается ощущение, что «Буранам» просто доставляет удовольствие нырять из одной канавы в другую, а иногда на высоких оборотах нести седоков к кромке леса. Благодаря какому-то чуду машины ни разу не перевернулись. Несмотря на легкий морозец и пронизывающий куртку зимний ветерок, вдоль позвончика катятся струйки пота. Путь выдался крайне тяжелый, ничего хуже нам потом не встречалось, но спасибо ему большое. После него напугать нас стало сложно.

Восемьдесят таежных километров мы шли часов пять или шесть. У самой деревни, уже на большаке, обогнали мотоциклиста, ехавшего на двухколесном агрегате. Невольно родилось восхищение: вот они - настоящие профи. Восхищение быстро угасло, потому что хотелось одного: поскорее оказаться в тепле.

Наконец показалась сельская улица, а на ней девушка с хлебом и солью. Сразу стало не так уж и холодно.

Листвяги основаны в 1906 году. Свое название село получило от слова «листвяг» - ствол лиственницы или листвяжное бревно. В округе много строевого леса. По центру деревни бежит речка с чудесным названием Тава. По словам главы местной поселковой администрации Юрия Емельянова, в деревне 67 дворов, в которых проживает в общей сложности около 170 человек. При такой словно законсервированной численности Листвяги существуют уже несколько десятилетий. Они - своеобразный бренд Большеуковского района. Любый турист, любой краевед считает за удачу побывать в этом отдаленном населенном пункте. И вдруг оказывается, что Листвяги могут быть знамениты не только своей обособленностью. Здесь живет человек, имя которого непременно должно быть занесено в книгу выдающихся людей планеты.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото из архива автора

(Продолжение в следующем номере).

Владимир Теплоухов
и его бабочки.

В ХОЛОДА ПО ТАЙГЕ

Наша газета уже рассказывала, что омский журналист и путешественник Виктор Гоношилов готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». По просьбе редакции автор любезно предоставил нам второй очерк из книги, который будет публиковаться в нескольких номерах «Криминал-Экспресса».

(Продолжение. Начало в №12 (1010) от 26 марта 2014 г.)

ТАЕЖНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО НАСЕКОМЫМ

Мы, группа из пяти омичей (Сергей Воробчуков, Алексей Гнеушев, Сагадат Кашапов, Игорь Вяткин и Виктор Гоношилов), стартовав 28 декабря 2006 года на трех снегоходах в Больших Уках, за день преодолели около 80 километров таежных дорог. Это был первый рывок в попытке пройти старыми лесными дорогами по омскому северу. На ночевку остановились в старинном селе Листвяги, основанном в 1906 году. Это самое отдаленное село Большеуковского района: в радиусе 70 километров практически нет населенных пунктов. Исклчением является небольшая деревенька Чебачиха, которая, находясь в 4-5 километрах от Листвягов, выглядит своеобразным пригородом.

Листвяги славятся колодцами. Почти в каждом дворе свой, несмотря на текущую по центру села речку Большую Таву. А еще молодежь здесь певучая. Мы как раз угадали на предновогодний концерт. Девушки с чистыми мягкими голосами пели исключительно о любви. Их понять не сложно, потому что в клубе сильный пол представляли всего четверо мужчин, и то в качестве зрителей. Остальные мужики, как объяснил наиболее словоохотливый из зрителей, уже начали отмечать Новый год.

В клубе же, в разговоре с местными жителями вдруг выяснилось, что далеко не все деревенские мужики увлекаются зеленым змием, есть среди них и увлекающиеся бабочками. В прямом смысле этого слова. Владимир Теплоухов, энтомолог по призванию, потомственный омич, выпускник одной из омских школ, 20 лет назад осевший в Листвягах, по праву может считаться одним из крупнейших коллекционеров России. Его собранию жуков и бабочек завидуют многие городские музеи. А он с ними не конкурирует, более того, совершенно бескорыстно пополняет их экспозиции своими экспонатами. Помнится, где-то на рубеже XX и XXI веков вышла книга с перечнем людей, которые, по мнению авторов, оставили интеллектуальную элиту Земли. Так вот, я убежден, 42-летний Владимир Теплоухов, если появится переиздание, с полным правом может претендовать на место в томике для себя.

Надо заметить, что коллекционеров-энтомологов в нашей области не так уж и много. Четверо известны в Омске, а

Владимир, выходит, пятый, единственный, кто живет в селе. В его собрании свыше 800 бабочек и жуков. Далеко не каждый музей страны имеет подобный набор. Это очень много, если учесть, что в Сибири обитает всего 760 видов дневных бабочек, а конкретно в Омской области установлено наличие 120 видов дневных бабочек. Почему делается упор на дневных бабочек? Потому что их гораздо меньше, чем ночных. Из 165 тысяч видов бабочек, обитающих в мире, лишь 18 тысяч относятся к дневным, остальные - к ночным. Как видим, дневных бабочек гораздо меньше, но известно о них больше, так как ученым их изучать легче. А Владимир и ночными не пренебрегает.

Почему ночных бабочек больше, чем дневных, у биологов однозначного ответа нет. Скорее всего, потому что ночью хищники охотятся реже, чем днем. Бабочки и выбирают ту часть суток, когда безопаснее.

По словам старшего научного сотрудника Омского государственного историко-краеведческого музея Татьяны Кошелевой, в коллекциях их учреждения еще относительно недавно ночных бабочек почти не имелось. Ловить их сложно. Надо вывозить за город громоздкую осветительную аппаратуру, потом перетаскивать ее с места на место. Свет служит для насекомых приманкой. Сейчас музейные коллекции пополняются поклонниками ночи. Благодаря стараниям Владимира. Он совершенно бесплатно везет в музей собственные экспонаты. И не только в краеведческий. Владимир готов сотрудничать с любыми музеями России.

- Мне от них ничего не надо, - говорит он. - Прошу лишь коробки, в которых выставляются и хранятся бабочки. Лучше, чтоб были изготовлены из кедровой дощечки, тогда в них моль не заводится.

Сегодня подобное бескорыстие вызывает удивление. Владимир упрек в непрактичности не реагирует. Например, недавно он подарил замечательную коллекцию родной омской школе №13. Сейчас ему, бывшему горожанину, по душе больше сельский покой. Городской суеты не терпит, потому ностальгией по исторической родине не страдает. Работает помощником лесничего. Хобби и профессия органично сочетаются.

- Жена не против вашего увлечения? - спрашиваю его.

- Она только приветствует его. В доме красивее, мои ж коллекции по стенам висят.

- А время где берете?

- От сна немного отрываю. Но не жалею. Давно понял, когда есть увлечение, живется намного легче.

Он скромно умалчивает, что благодаря его стараниям в областной фауне увеличилось количество зарегистрированных видов. Открыл три вида бабочек, которые, как считали ученые, в Омской области не водятся. Результаты его наблюдений (он стесняется слова «исследования») не раз и не два удивляли специалистов.

По словам Владимира, в Листвягах энтомологией заниматься легко. Воздух чистый, людей в округе мало. Рай для всего живого. Скажем, махаоны и переливницы ивовые, которые занесены в областную Красную книгу, в округе тысячами летают. Питомник открывать можно. Если ему чего-то в жизни и не хватает, так это хороших определителей насекомых. Зато самих насекомых, самых разных, с избытком. В коллекции Владимира есть поразительно огромные жуки - сантиметров по 8-10 длиной, если мерить вместе с усам, и яркие бабочки с размахом крыльев до 12 сантиметров. Мне почему-

то всегда казалось, что такие гиганты лишь в джунглях водятся, но никак не в сибирской тайге. Выходит, и нам есть чем удивлять туристов и путешественников.

В деревне к увлечению Владимира относятся на редкость доброжелательно. Если кто-то из селян случайно увидит поражающую воображение красивую бабочку, то непременно постарается поймать. Чтоб подарить ее лесничему. Пусть человек порадуются.

ЧУДНАЯ ЧЕБАЧИХА

Листвяги - село среди краеведов, благодаря своей отдаленности, известное. Иногда эта слава вызывает некоторое недоумение, а почему популярность не делится с соседней Чебачихой, еще более отдаленной деревней. Она - конечная точка районной дороги. В деревеньке всего 11 дворов. Здесь проживает около 40 человек - в четыре раза меньше, чем в Листвягах. Чебачиха, основанная в 1908 году, название получила благодаря обилию чебака в местной речке Чебачихе, на берегах которой и расположена.

Поздно вечером мы на пару с депутатом Госдумы Сергеем Воробчуковым выбрались в эту деревеньку. Селение поразило нас спокойствием и оптимизмом.

- А вы не хотите переехать в соседние Листвяги? - спросил я местную даму лет 40.

- Ну, вот еще! Зачем переезжать-то? Чтоб двери на замок закрывать?! У нас тут свобода полная. А там что?

Действительно, в Чебачихе установилась какой-то свой, особый притягательный микроклимат. Здесь полностью восторжествовала мечта Владимира Ильича Ленина о том, чтобы не было ни богатых, ни бедных. В деревне нет ни тех, ни других. Все живут примерно одинаково. Ленивых тоже нет. На каждом подворье две-три коровы, пять-шесть свиней, пара лошадей, а то и больше, овцы, куры. Садят помногу картошки. Рыба в озерах и речках рядом ловится неплохо. На продажу не идет, но в качестве разнообразия для стола годится. На всю деревню один трактор и одна моторизованная самоделька. Все, что имеют, люди покупают за счет продажи собственной продукции. Вообще жизнь здесь дается нелегко. Перекупщики сюда едут неохотно. Далеко, и дорога плохая. Сено и дрова в Чебачихе до сих пор на лошадях возят. Глаз горожанина невольно останавливается на внутреннем убранстве домов: в красном углу импортный телевизор, а по стенам - пучки лекарственных трав.

Деревню никак нельзя назвать патриархальной. Молодежь одевается модно, книги читает современные, есть DVD-проигрыватели, караоке. По вечерам в клубе устраиваются посиделки. В клубе же находится скромная библиотечка, томиков на сто. Детективы, женские романы. Завклубом 22-летняя Татьяна Соколова время от времени меняет кни-

ги, привозя новые из других библиотек. Книги в Чебачихе - самый большой дефицит. Если не считать дефицита женихов.

- Мне замуж выходить не за кого, - говорит Татьяна. - У нас тут почти все Соколовы.

- А если повстречаете по душе молодого человека, то поедете в его село или привезете его сюда? - не удерживаюсь я от вопроса.

- Мне бы хотелось, чтоб моя семья жила в Чебачихе, - просто отвечает девушка.

В Чебачихинской начальной школе всего два ученика. И у них есть свой, пусть небольшой, но очень современный спортзал. И эти две крохи летом самостоятельно обихаживают пришкольный участок с деревцами и овощными посадками. А значит, не важно, где будут жить эти двое школьников, когда вырастут, важно другое - за них родителям краснеть не придется. Я не знаю, сколько из районного бюджета идет денег на содержание школы и клуба в маленькой Чебачихе, знаю другое - эти вложения окупятся сторицей, потому что благодаря им государству не придется дополнительно тратиться на прокуроров и конвоиров, у которых зарплата выше, чем у сельских учителей.

И все же, как понять местных жителей? Дороги до райцентра из-за распутицы по два-три месяца в году не бывает. Магазина в деревне нет. Зато комары и паузы с весны до осени кровь сосут. А люди отсюда уезжать не хотят. И не просят помощи, сами заботятся о своем селе. На собственных лошадях чистят дорогу. На свои нелегко достающиеся деньги возвели небольшую памятник погибшим в Великой Отечественной войне. Василий Иванов, хранивший для себя могильный камень, отдал его на общее благородное дело. До сих пор стоит и систематически подкрашивается колодец, с которого начиналась деревня. Такие колодцы рыли во времена столыпинской реформы, чтоб новоселам было откуда воду брать. Чебачихинцы на берегу речки собственными руками оформили что-то вроде сельского парка с деревянными качелями. Вообще-то качели делались для детей. Но, как рассказывал директор районного музея Евгений Зензин, взрослые на них качаются тоже часто и с удовольствием.

Как тут не подумаешь, что все в нашей жизни зависит от нас самих. Чебачиха - ведь по любым понятиям глухомань страшная. А на деле получается, что она, по своей просветленности и внутренней интеллигентности, любому городу сто очков вперед даст.

Вот такая замечательная жемчужинка встретилась на пути экспедиции «Омский Север». Из-за нее одной стоило в любой трудный путь отправляться.

P.S. Примечание от 2014 года. Меня нынче расстроила одна знакомая: «Нет, - говорит, - больше твоей любимой Чебачихи. Разъехалась». Мне ее слова были как по сердцу тупым ножом. И вдруг наткнулся на статью Ирины Краевской в газете «Четверг» - «Новый год в урмане». О Чебачихе. Живет деревенька. И с тем же оптимизмом.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото из архива автора

(Продолжение в следующем номере)

Отдохнем на приличной дороге и ныряем в тайгу.

В ХОЛОДА ПО ТАЙГЕ

Наша газета уже рассказывала, что омский журналист и путешественник Виктор Гоношилов готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». По просьбе редакции автор любезно предоставил нам второй очерк из книги, который будет публиковаться в нескольких номерах «Криминал-Экспресс».

(Продолжение. Начало в №12 (1010) от 26 марта 2014 г.)

МОРОЗ ГРЕЕТ

Утром 29 декабря, переночевав в спальнях мешках на полу поселковой администрации в Листвягах, мы снова тронулись в дорогу. На часах было десять дня, а на улице - двадцать градусов мороза. Нашей экспедиции «Омский Север» требовалось, пройдя километров 150 по лесу просеками, известными только по картам, появиться вечером в Усть-Ишиме. Таким образом мы соединяли прямой таежной дорогой два северных района. Хотели как быстрее, получилось как всегда. С опозданием. Один снегоход, барахливший еще накануне, наотрез отказался двигаться в составе нашей компании. Мелкий ремонт не помог, а на крупный времени не хватало. Дежуртира оставили на попечение местной власти. Снегоход - железо, но, как выяснилось позже, умнее человека.

Безлошадным оказался предприниматель Сагадат Кашапов. Я хорошо понимал его чувства. Он, в последний момент примкнувший к экспедиции, посвященной 425-летию воссоединения Сибири с Россией, единственный из нашей пятерки не имел собственной исследовательской задачи. Пока управлял машиной - был нужным членом команды. Оставшись без нее, превратился в туриста.

- Сагадат, мы будем управлять «Бураном» по очереди, меняясь во время перекуров, - на первой же короткой стоянке сказал я коллеге-водителю, кстати, единственному курящему среди нас (я же был единственным абсолютно непьющим: себя не похвалишь - как оплеванный).

Путь выпал сложный. Лесозаготовители по просеке протаскивали тяжелый металлический треугольник, который называется клином. Местами он снег сорвал до земли, нарастив по краям высокие валы. Дорога вышла извилистой - снегоход мотало от одного края к другому, что не мешало встречному ветру пронизывать насквозь мой предназначенный для северных широт толстый пуховой костюм. Противоветровой прозрачный щиток снегохода прикрывал, но не шибко. Мороз сковывал как латами. Ледяными латами. Представьте свои ощущения, если вам вдруг пришлось бы надеть на себя металлические рыцарские доспехи, только что вы-

тащенные из ледяной воды. С таким ощущением ты едешь от перерыва до перерыва, мечтая о какой-нибудь заминке. Чтоб остановиться. Когда нет пронизывающего ветра - и мороз греет. Не скрою, я богохульствовал: на полном серьезе мечтал поджариваться на сковородках в адских печах. Мне казалось, что болезненное холода для организма нет ничего.

Вскоре к холодным сковывающим латам прибавилась еще одна напасть: очки затянуло льдом. Я люблю очки, будь у меня здоровые глаза, все равно бы оптику носил. Удобно. В незнакомой компании, пока рот не раскроешь, все за умного человека принимают.

Первый раз я разочаровался в сопровождающей меня с детства близорукости. Стекла в тот день сильно обмерзли на встречном морозном ветре. Для обзора оставались узкие прозрачные полоски под бровями. Я тяжело вздыхал, занимая очередную раз место за рулем снегохода. В моем тяжком вздохе выражалось все. И стыд, что веду машину в полуслепую. Если грохнемся, пострадаю не я один. И страх, вечный мужской страх показаться не мужиком. А таким стану выглядеть, если коллеги узнают о проблеме с очками, и мне придется отказаться от роли водителя.

Поэтому ни черта я им не сказал. Из любви к гурманству. Драйв от управления «Бураном» в нашей сегодняшней рафинированной жизни просто не с чем сравнивать. И я своим кайфом от ощущения опасности ни с кем не намерен был делиться. Потому что опасность перевернуться или врезаться в дерево - честная опасность. Ты борешься с нею один на один, лицом к лицу. Здесь тебя не предаст друг, здесь тебя не ударит со спины враг. Здесь только ты и она - опасность. И больше никого. Трагедия мужика XXI века заключается в том, что в современном обабившемся обществе нет у него площадки для справедливого боя. Нет! А у меня вот она - появилась, что ж я буду сам себя этого короткого счастья лишать.

МАЛЕНЬКИЕ ДЕРЕВНИ - ФУНДАМЕНТ РОССИИ

Когда за руль садился Сагадат, я перемещался в нарты. В них теплее: можно скрючиться или рюкзаком от ветра заслониться. А меня в комфорте всегда на размышления тянет. Из го-

ловы не шла самая крайняя деревня Большеуковского района - Чебачиха. В ней всего 11 дворов, стоит она в паре с Листвягами в глухой тайге, до ближайшего села - 70 километров. У народа надежда только на свои руки. А интеллигентнее и оптимистичнее людей ни в одном из омских университетов не найдешь. При том всем скочивнуть селение легко - достаточно ликвидировать школу на два ученика. На ставках учительницы и уборщицы сэкономят, а двадцати новорожденных не досчитаются. Да, есть школьные автобусы. Но вы представьте себе, как семилетняя кроха идет в семь утра по темным морозным улицам к остановке, где автобуса ждать минут 20, как она себя чувствует в чужой школе, беззащитная среди чужих орущих хулиганов. В родной малюсенькой деревушечке на эту кроху самые злые собаки не лают,

последний алкаш норовит по голове погладить, ласковое слово сказать. А в чужой школе его каждый обидеть норовит, заступиться-то некому, своих мало, и они тоже забытые. Откуда знаю? Так учился в чужой деревне. Первый год - страшнее ада! И это не метафора. Слышу возражения (они, правда, уже из 2014 года): а иначе нельзя, иностранный со второго класса. Так, может, учительницу на том же школьном автобусе два раза в неделю к ученикам возить?

Беда отдаленных малонаселенных пунктов заключается в том, что российские чиновники не умеют расставлять приоритеты. Деньги считать научились, а людей - нет. Сегодня самая большая нехватка страны - люди, особенно хорошие матери и самостоятельные отцы. А такие родители сами обстоятельствами формируются в конечных деревнях сельских районов. Куда и автобус приходит раз в год по обещанию, и клубы со школами закрываются в первую очередь, потому что обходится такая деревня в пересчете на человека дороже любой, что стоит внутри района. Но сохранять прежде всего необходимо как раз эти селения, даже в ущерб другим, которые, пока есть соседи, не развалятся. Скажем, исчезнет Чебачиха, сразу же исчезнет не меньше тысячи гектаров угодий. Разных. От огородов с сенокосами и выпасами до грибных мест и мелких рыбных озерок. Но еще хуже: каждая женщина, которая готова в маленькой деревне родить троих-четверых детей, на новом месте ограничится одним, в крайнем случае, двумя. А следом за Чебачихой исчезнут Листвяги. И уже десятки тысяч гектаров кормильцев затанутся кустарником. А там, вдоль 70-километровой пустынной дороги до Листвягов, когда-то стояло полтора десятка деревень. Их, еще в советское время, тоже по экономическим причинам сократили, чтоб на клубы и школы не тратиться. Кто сейчас установит, сколько детей не родилось, сколько мужиков, не сумевших прижиться на новых местах, ударилось в пьянство, неся беду себе и собственным детям, сколько преступников и больных выдохнули несчастные семьи?

А ведь фермеры урманские, жители лесных чебачих нуждаются в малом. В ласковом слове. Раз в месяц прочитать о своей деревушке статеечку в районной газете или областной, услышать репортаж по радио или телевизору. Знак того, что о них помнят, что они не брошены. Государством не брошены. Извините за патетику, но они как солдаты на передовой. Значит, и отношение к ним должно быть таким же.

ОЛИГАРХ В ТЕЛОГРЕЙКЕ

Наш торный путь закончился, уткнувшись в клин лесозаготовителей. Дальше - снежная целина. Как все-таки быстро меняют человека обстоятельства. Всего неделю назад в Омске, во время штабного заседания экспедиции, мы просто горели желанием, прорубаясь сквозь прутья, проложить собственный путь по нетронутой тайге. С собой взяли бензопилы, топоры. Теперь у нас такого желания не было. Остыли, померзнув на морозе.

На поиски кратчайшего пути на снегоходах отправились руководитель экспедиции Сергей Воробчуков и знаток большеуковских лесов, он же наш проводник, 60-летний Юрий Избальков.

Оставшиеся без начальства, мы обосновались на лесной поляне, по окраине которой, парясь легким туманом, журчал ручеек. Судя по надгрызенным деревьям, водичка выходила из бобрового пруда. Ни один из членов экспедиции не скупал от безделья. Каждый стал заниматься своей работой. Геолог и видеооператор Алексей Гнеушев с выражением восторга на лице и видеокамерой в руках полез в покрытую куржаком, словно кружевом, чащобу. Руководитель ФГУ «Территориальный фонд информации по природным ресурсам и охране окружающей среды» Игорь Вяткин, в служебные обязанности которого входил сбор информации о природе и природопользовании нашей области, начал делать съемки и описание железного клина, которым мужики пробивали дорогу в лесу.

А автор этих строк, экспедиционный летописец, отправился на интервью к местному «олигарху». Он находился тут же, в лесу. 47-летний Андрей Гардт, владелец лесного бизнеса, был одет даже проще, чем обычно одевается Роман Абрамович. Андрей Андреевич, облаченный в телогрейку и чуни, рубил сучья на сваленном дереве.

Свой предпринимательский путь он, в прошлом шофер, начал восемь лет назад, оставшись без работы. Купил по дешевке неисправный станок для оцилиндровки бревен. Отремонтировал. Стал на заказ делать срубы бань, дач, домов. Сегодня у него в подчинении бригада из троих 40-50-летних мужиков-универсалов. Зимой они валят лес, который хозяин на старом «КамАЗе» отвозит в Большие Уки. Нынешняя ветка - километров 150. Летом они же этот лес превращают в доски, оцилиндрованные бревна и срубы домов.

- Андрей Андреевич, почему вы, олигарх, не в офисе за компьютером сидите? - задал я провокационный вопрос. - А как простой рабочий, с топором по лесу бегаю.

Гардт, мужик на шутку отзвучивший, за словом в карман не полез:

- А у нас, у олигархов, так принято, кто что хорошо умеет делать, тот то и делает.

По его словам, выходило, что еще до того, как лес валить, бригаде придется на подготовительных работах несколько дней потрудиться. Два-три накатных мостика через речушки поставить, пробить километров тридцать дороги. Самая большая загвоздка находится впритык к деляне - метров 200 болотной топи. Как поступать - то ли гать стелить, то ли ждать, когда топь сама промерзнет, лесозаготовитель пока еще не решил. Финансовые вопросы он со мной обсуждать отказался: «Сам себе неприятностей наделаю». Я все же выпытал, что Гардт, не вывезя еще ни одного хлыста, уже оплатил все необходимые зачеты и вычеты. Они ему обошлись в 120 тысяч рублей. Я его зауважал и пожалел одновременно. Честный мужик. А если он через топь не пробьется, зима-то теплая, как ему тогда быть?

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото из архива автора

(Продолжение в следующем номере).

Так стелют гать
через незамерзшую топь.

В ХОЛОДА ПО ТАЙГЕ

Наша газета уже рассказывала, что омский журналист и путешественник Виктор Гоношилов готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». По просьбе редакции автор любезно предоставил нам второй очерк из книги, который будет публиковаться в нескольких номерах «Криминал-Экспресса».

(Продолжение. Начало в №12 (1010) от 26 марта 2014 г.)

РЫСЕЙ БОЯТЬСЯ - ТОВАРИЩЕЙ НЕ ИСКАТЬ

26 декабря 2006 года мы своим броском на снегоходах по заснеженной тайге собирались за день соединить крайнее село Большеуковского района Омской области - Усть-Ишим. Путь, ясный для членов экспедиции «Омский Север», закончился на поляне лесозаготовителей. Дальше - неизвестность. Как найти просеку, которая когда-то была веточкой Московско-Сибирского тракта, мы не знали. Около 12 часов дня, после недолгого совещания, на поиски дороги на двух снегоходах отправились руководитель экспедиции депутат Госдумы Сергей Воробчуков и знаток большеуковских лесов, он же наш проводник 60-летний Юрий Избалыков.

Оставшись без начальства и механических средств передвижения, мы - Игорь Вяткин, Сагадат Кашапов, Алексей Гнеушев и автор этих строк - принялись обустраиваться. Вероятность заночевать в зимнем лесу - б-р-р! - рисовалась вполне вероятной. Разожгли костер, расчистили место для большой зимней палатки.

В 16.30 на таежный лес опустились сумерки. А разведчики, отбившие пять часов назад, не появлялись. Я и Сагадат Кашапов (мы сдружились, управляя одним снегоходом) отправились на поиски. Натянули на шапки диодные фонари, закрепили на валенках охотничьи лыжи и двинулись в лесную темень по следам снегоходных гусениц. Каждый из нас понимал, как мало шансов найти уехавших на быстрых вертких машинах. Скорость на лыжах километра три, а больше двух часов - час вперед и час обратно - идти нельзя. Ночь, сами порастеряемся. Один из лесозаготовителей (они тут же валили деревья, готовя гать через незамерзшую топь) попробовал отговорить нас от похода: «Вы разве рысей не боитесь?». Чудак-человек, нашел чем горожан пугать. Видали мы этих рысей. В зоопарке. Сытые полусонные милые зверушки.

Понимая бесполезность поисков, все же решились на них. Совесть требовала. Если что-то случится с нашими коллегами, умчавшимися в тайгу, мы потом себе бездействия не простим. Больше всех волнения терзали меня, выросшего в таежной деревне и уважающего силу леса. На моей памяти несколько случаев, когда людей находили мертвыми в километре-двух от дома. Спрямяя путь от ягодника к деревне, начинали «кружить» среди бурелома и

погибали. То ли нагрузку сердце не выдерживало, то ли - страха. Для спасения жизни мелочи от родных не дождалось: чтоб вышел мужик с ружьем на крыльцо и выстрелил пару раз в воздух. Заблудившийся двинулся бы на звук.

Через два часа, вымотанные лыжами, мы вернулись к стоянке. В поту и с чистой совестью. Тут же, буквально следом, появились разведчики. Путь найден. До ближайшей охотничьей избушки. После короткого прощания знаток местной географии Юрий Избалыков оставил нашу группу в одиночестве.

За ночь, которая потом наступит, мы совершили два ночных перехода. Именно так, за одну ночь - два ночных перехода.

В восемь вечера наша пятерка двинулась в сторону Усть-Ишима. Группе требовалось одолеть около сотни километров. Темень в тайге стояла абсолютная. Высокие густые деревья нещадно крали нещедрый свет луны и звезд. Два снегохода тянули за собой по саням, загруженным рюкзаками и топливом. На каждых санях находилось по 400-500 килограммов груза, включая пассажиров. О чрезмерном весе нарт можно судить по такому факту. От нагрузки ломались прицепные крюки. Мы их заменяли веревками. С собой мы везли около 300 литров бензина. Это немного, если учесть, что снегоходы при подобной нагрузке, двигаясь неторной дорогой, жрут по литру на каждые 2-2,5 километра пути. Скорость казалась высокой от рева и веток, которые хлестали по лицу, если ты не успеваешь пригнуться. Шли мы часа четыре-четыре с половиной, самые долгие часы в нашем походе. Снег глубокий. Иногда налеты на спрятанный под снежным покровом карч и застревали. Сдернуть с места - дело не легкое.

Это пока редкость для сельских школ, когда у Снегурочки звание профессора.

Случалось, что снегоход, остановленный застрявшими нартами, впустую молотил гусеницами снег, не двигаясь с места. И причина не понятна, почему вдруг сани застряли. Приходилось снег вокруг разгрести полностью. На ощупь находили коварно спрятавшийся пенек или кочку.

Толстые деревья стояли густо, требовалось искусство виртуоза, чтобы, управляя сцепкой из нарт и снегохода, проскальзывать между ними. Я, правда, за мучениями водителей лишь наблюдал. После первых 15 минут управления «Бураном» уступил руль Сагадату. Очки заставили. Близорукие в свете фар видят плохо. Вести сцепку по торной ночной дороге моего умения еще хватило бы, а выделывать зигзаги между метровыми в обхват березами - увольте.

Не за себя, за товарищей боялся. Сагадата жалел - вымотался мужик.

А Воробчуков, который вел первую сцепку на своей «Тайге», - выглядел бодро. Он мужчина рослый, крепкий; снегоход у него помощнее, и руля «Тайга», при двух передних лыжах, лучше однолыжного «Бурана» слушается. Опять же, думаю, его, руководителя экспедиции, должность обязывала гонор держать. Известно, поражениям войск на поле боя предшествуют поражения в головах командующих.

ТАЕЖНЫЙ ПРИЮТ

Примерно полпервого ночи показались два освещенных оконца. Охотничья избушка. Она служила ориентиром правильности пройденного пути. А избушечка так ничего себе. В два этажа. Дизельная электростанция ток дает. 54-летний Сергей, хозяин жилища, не отказал путникам в приюте. Угостил чаем на травах, накормил ароматной ухой.

Через полчаса отдыха в тепле никому не хотелось вновь занимать места на снегоходах и нартах. А надо было, потому что в противном случае героика похода исчезала. В общем, мы махнули рукой на героизм и решили часика четыре поспать.

Будь моя воля, я бы в этой избушке (говорят, она на берегу озера стоит, но ночью водоема не заметно) неделю прожил. Не выходя! Хозяин, мужик колоритный, рассказчик шукшинского типа. Включить бы диктофон и слушать человека не прерывая. Внутренности домика покоряли чисто мужской прагматичностью. Десятки ножицков, шильц, каких-то непонятных приспособ висели на стенах, торчали воткнутыми в бревна. Кр-а-а-сатица! Запали в душу аккуратные стопки книг на грубо сколоченной этажерке. В сенях удивили деревянные кровати для охотничьих собак: метра по два длиной и сантиметров 80 шириной. Набитые сеном, они по мягкости не уступали спальному месту хозяина.

Слушать бы и слушать охотника, да глаза не давали - сплпались от усталости. Едва прилег, сон как рукой сняло. От расстройства. Надо же, в кои-то веки привалила журналистская удача... и проплывает мимо рук. В избушке вперемешку с запахом от смолистых дров стояла приятно обволакивающая ночная тишина. Я наслаждался бытием. Все четыре часа, которые отводились на сон, глаз от удовольствия не сомкнул. И тем удивительнее было наутро слышать от товарищей, что им мой храп спать не давал. Ясное дело, наговаривают.

Утром мне преподали профессиональный урок управления «Бураном». Старший сын охотника поучил.

- На «Буране» нельзя сидеть сиднем, - говорил он мне. - Этот снегоход не управляющей лыжи слушается, а твоего веса. Стой на подножках, перемещай центр тяжести с одной ноги на другую. Играй машиной.

Парень вел наш караван к просеке, с которой до районной автотрассы в сторону не свернешь. Я наблюдал за ним. Он словно танцевал, управляя снегоходом. Ночью. На фоне луны. Красиво.

Их, сыновей, у охотника двое. Старшему лет 30, младшему - слегка за 20. Хорошие парни, особенно подкупало их уважительное отношение к отцу. Без всяких, пусть и добродушных, подшучиваний, принятых в современных семьях. А отец, как я понял, каждый год обещая вернуться в родную деревню, безвылазно живет на заимке. Сыновья на снегоходах привозят ему все необходимое для существования в тайге. Где-то километров 75 в одну сторону приходится им делать, доставляя припасы. Страшно представить, если машина на середине пути заглохнет. В тех лесах волки себя равными с людьми чувствуют.

ВТОРОЙ БРОСОК

Этот переход длился около пяти часов. На этот раз вторую сцепку на «Буране» вел я. Сагадат рвался на подмену, я ему отказывал в этом праве. Меня вчера совесть изглодала. Странно складываются отношения между людьми. Всех участников нынешнего перехода я знал по несколько лет, с Сагадатом же познакомился лишь в первый день экспедиции и все остальные десять дней старался быть к нему поближе. Он совмещал в себе три редких качества: мужскую интеллигентность, мужскую силу духа и надежность по-мужски. Он единственный за время экспедиции ни разу не психанул, не матюгнулся. В мороз чувствовал себя как рыба в воде. Армейская служба опыт дала, служил на Крайнем Севере. Изящно экипированный, выглядел красавчиком.

В Усть-Ишине нас устроили в гостинице. Кажется, не пообедав, мы отправились на встречу с жителями деревни Большой Тебэнди. Старинное татарское село славно тем, что высадившемуся здесь Ермаку местный князь предложил мир, продовольствие и свою дочь в жены. Нам жен не предложили, как бы мы их везли, самим на нартах тесно, а покормили славно.

Серьезные члены экспедиции встречались со взрослым населением села, а меня, журналиста, определили Дедом Морозом на новогодний праздник в школе. На снегоходах приходилось легче. Справедливости ради надо все же указать, что на том празднике Дед Мороз был на подхвате, а все действие вела Снегурочка. Теперь, в 2014 году, уже можно раскрыть декабрьскую тайну 2006 года. Роль Снегурочки талантливо исполнила Оксана Иссерс - помощник депутата Госдумы, профессор Омского государственного университета.

Вечером, заправив снегоходы и залив запасные канистры бензином, мы приготовились еще к одному ночному рывку.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото из архива автора

(Продолжение в следующем номере).

Сибирские джунгли.

В ХОЛОДА ПО ТАЙГЕ

(Продолжение. Начало в №12 (1010) от 26 марта 2014 г.)

ПОВОРОТ В СТОРОНУ ОМСКА

Что 30 декабря, то есть за день до Нового года, делают нормальные люди? Последние закупки к праздничному столу. А члены экспедиции «Омский Север» на Усть-Ишимской заправке в шесть вечера заполняли бензином баки снегоходов и запасные канистры под топливо. Готовились к ночному переходу в сотню верст длиной. Мы решили идти по правой стороне Иртыша в местечко Чудесное Тевризского района - два дома среди тайги. Там и отпраздновать Новый год. Ночной переход нас не прельщал. Предыдущей ночью, послав всего часа четыре, прошли около 120 километров в северном направлении, соединив по бездорожной тайге Большеуковский и Усть-Ишимский районы. Теперь, совершив поворот, наш маршрут получил южное направление - мы направлялись в сторону Омска. Отдохнуть не успели. Руководитель экспедиции Сергей Воробчуков, являясь депутатом Госдумы, в каждом селе, где происходила остановка, сразу же шел на сход или собрание жителей поселения. А нам куда деваться? Только следом. Мне приходилось чуть тяжелее остальных. Трое из нашей пятерки - Игорь Вяткин, Алексей Гнеушев, Сагадат Кашапов - относились к профессионалам в экспедиционном деле. Геологи. Сагадат, кроме всего прочего, еще службу проходил на Крайнем Севере. Я уставал сильно. И только сейчас могу признаться в этом. Истощала необходимость постоянно собирать материал для будущих статей. Ребята во мне даже нехорошего человека подозревали: «Ты чего там в свой патефон нашептываешь? Знаешь, от твоих ухваток как-то не по себе».

От похода на снегоходах в темень нас отговорил глава администрации Усть-Ишимского района Сергей Сергеев:

- Раньше вас Бог хранил, но больше этого может не случиться. Заблудитесь или на самострел, настороженный на медведя, нарветесь.

Спасибо ему. В Сергееве, я с ним пусть шапочко, но знаком давно, меня всегда покоряет то умение, которого лишен сам: говорить прямо. Редкий дар по нынешним временам. У меня к нему еще больше выросло уважение, когда он, однажды проиграв выборы за пост главы района, не запаниковал и не скрылся в Омске: ведь трудно при поражении глядеть в глаза соседям. Устроился работать на одном из районных предприятий и трудился, судя по отзывам, которые в свое время дошли до моих ушей, вполне достойно. Окружающие ждали, что у него проявится психологический дискомфорт. Ни черта подобного! Вел себя так, словно никогда прежде не сидел в кресле первого лица района. А на следующих выборах одержал победу.

Наша газета уже рассказывала, что омский журналист и путешественник Виктор Гоношилов готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». По просьбе редакции автор любезно предоставил нам второй очерк из книги, который будет публиковаться в нескольких номерах «Криминал-Экспресса».

Счастливые супруги Акуловы.

Отговорив нас от ночного рывка, Сергеев как в воду глядел. На следующий день, в аккурат 31 декабря, мы и заблудились, и второй снегоход у нас отказал. Но то случилось днем. А если бы произошло ночью? Наутро, перевалив по тонкому льду через Иртыш, мы пошли таежным большаком. У нас было два снегохода, за каждым из которых тянулись нарты. Дорога для путешественников занятая: с высокими спусками и такими же подъемами. Правый берег Иртыша - крутояр. Берег пробит логами от весенней воды. Поэтому так много спусков и подъемов по 30-50 метров высотой. Причем, преодолевать спуск или подъем, одновременно приходилось вписываться в поворот. Нельзя сказать, что лучше - спуск или подъем. Одинаково нервно. На подъем трудно вытягивать нарты, иногда седоки в помощь машине впрягались. При спуске те же нарты, слегка вильнув на наледь, могли бросить «Буря» с его одной управляющей лыжей в какую угодно сторону. А по краям дороги встречались обрывы от весенних ручьев.

Правда, опыт уже в управлении снегоходом появился. Спуски, конечно, били по нервам, обычная же проселочная дорога с ее глубокими колеями больше не пугала. Научился не сиднем сидеть на машине, а стоять на ее подножках и управлять подведомственным агрегатом, играя центром тяжести собственного тела. Появляется замечательное ощущение, что сливаешься в единое целое с «Буряном». А уровень адреналина при движении по снежной целине или

обычной дороге в крови падает. Я без сожаления уступал свое место Сагадату после очередного перерыва на отдых и столь же спокойно снова через какое-то время занимал его.

В окрестностях села Утускун мы провели фотосессию. Здесь встретились своеобразные джунгли. Плантация борщевика, растения, очень сильно похожего на укроп. Только нам попался «укроп» невообразимо огромной высоты - около двух с половиной метров. Никто не отказал себе в удовольствии сфотографироваться среди его зарослей.

Что собой представляют плантации подобного укропа, науке пока не ведомо. Не известно омским ботаникам и точное видовое название огромного борщевика, заросли которого иногда встречаются на севере Омской области. То ли доморощенный борщевик си-

в гости. Потому что если на улицах Аксеново раздаются рев снегоходов, следовательно, едут гости к Акуловым. Так всегда было. «А раз так всегда было, то и сейчас ничего менять не станем», решил Владимир, - пошли ко мне домой. В праздники у моей Анастасии стол голым не бывает».

Владимир несколько лет проработал вахтовиком на нефтепромысле. Знакомые из Тюменской области иногда навещают в Аксеново на снегоходах. Но это уже выяснилось за столом у хлебосольных хозяев.

С подачи Сергея Воробчукова разговор шел больше об экономике сельского подворья. Тема для хозяев оказалась благодатной. Акуловы имеют большое личное хозяйство, только взрослых коров две, есть еще молодняк, и не чураются заготовок орехов и клюквы. С удовольствием вспоминали позапрошлый год, когда трое их детей, взрослые сыновья и дочь, продали столько орехов, что хватило на компьютер и неплохой молодежный гардероб. В 2006 году Акуловы промышляли уже клюквой. Еще сейчас ведер 20 целебной сибирской ягоды лежит в избушке у болота.

Беда деревни в том, что она находится на правой стороне Иртыша, а трасса Омск - Усть-Ишим проходит по левой стороне. Заготовителям легче работать в деревнях, которые стоят вдоль наезженной дороги. Если же в Аксенове везут комбикорм, то он, как правило, дороже. Если же у аксеновцев закупают мясо, то оно, как правило, дешевле. Подобный диспаритет цен бьет по желанию селян заводить скот. Поэтому такое хозяйство, как у Акуловых, в деревне встретишь не часто. В семьях двадцати на тысячу жителей села. Общение все же завершилось на оптимистичной ноте: если будешь работать, то в Сибири с голоду никогда не помрешь.

Мне вот кажется, что основная беда российского сельского хозяйства заключается все же не в низких закупных ценах на животноводческую и огородную продукцию. Беда в другом - в массовом гипнозе. Материалы почти всей российской журналистики пропитаны какой-то мне, по психологическому настрою деревенскому мужику, непонятной жалостью к селянину. Глядишь по телевизору репортаж и слышишь: «Несмотря на то, что он живет в деревне, Иван Васильевич сконструировал замечательную машину». А почему, собственно, «несмотря на то, что живет в деревне...»? Разве деревня как-то по-особому плохо влияет на мозги человека? Или на его работоспособность? Нет.

Людям просто, не специально, конечно, внушили, что им тут, в деревне, живется хуже, чем в городе. И что если они живут в деревне, значит, они неудачники. 30 процентов населения России находится под этим страшным гипнозом. В противовес реальности.

Как-то сельская учительница поделилась со мной секретом педагогического мастерства.

- Я своим оболтусам говорю, - с хитрой улыбкой рассказывала дама, - если будете плохо учиться, то тут, в этой дыре, недотепами и умрете. Нигде вас больше не примут.

Понимаете, в чем трагедия учеников этой дамы? Уже независимо от того, как любой школьник будет жить в родной деревне, он навсегда утвердится в мысли о себе, как о недалеком и несчастном человеке. За подобную педагогику, я так считаю, даже расстрел - слишком мягкое наказание.

Супруги Акуловы, тоже, по устоявшейся традиции, немного пожаловались на трудности сельского бытия, однако выглядели при этом на редкость счастливыми людьми. Их дом мы покидали, преодолевая внутреннее душевное сопротивление. Ведь хозяин, не слушая наших возражений, уже баню затопил. Где ты в городе такое гостеприимство найдешь?!

Однако труба звала.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото из архива автора

(Окончание в следующем номере).

Нефтяная качалка на Прирахтовском месторождении.

газоконденсатное месторождение, затем на нефтяное Прирахтовское, побывали в одном из сельских кооперативов, после отправились в село Екатериновку.

Практически каждое из этих мест достойно отдельного материала. А я вынужден обходиться штрихами. На газоконденсатном месторождении, которое снабжает газом котельные трех районов: Тевризского, Знаменского и Тарского, поразила высокая степень компьютеризации. Не скрою, непривычно. Мужики в диспетчерской и внешне и по повадкам типично сельские, с компьютером же на «ты», словно сотрудники в офисе раскрученной городской фирмы.

Прирахтовское нефтяное месторождение порадовало качалкой. Единственной на территории Омской области. Нефтяная труба находится рядом с огромным озером Рахтово. Вахтовики, меняясь через неделю, живут в обычном пятистеннике,

ЗНАМЕНКА-ТАРА

С Горевым мы попрощались утром 3 января вблизи границы между Тевризским и Знаменским районами. В этот же день мы совершили еще один рискованный переход. Его маршрут, протяженностью километров 110-120, лежал между Тузаклами Знаменского района и Лесной Поляной Тарского.

Поскольку экспедиция была посвящена 425-летию присоединения Ермаком Сибири к России, то мы, естественно, не могли не захватить в поселок Усть-Шиш. Усть-Шиш - самая южная точка на Иртыше, которой достиг Ермак.

В селении живет замечательный человек, 77-летний Филипп Сергеевич Татаров, бывший директор местной школы. Он, когда был помоложе, все свободное время отдавал изучению истории поселка.

Согласно его данным, к моменту прихода Ермака на том месте, где сейчас расположен Усть-Шиш, находилось татарское поселение Шиштамак. По мнению Филиппа Сергеевича, основу Шиштамака составляли четыре рода. Откуда, спрашивается, такие подробности о поселении, если мы и о самом походе Ермака мало что знаем. Филипп Сергеевич, тщательно обследовав окрестности поселка, нашел четыре обширных пятна чернозема глубиной до полутора-двух метров. Здесь как считает краевед, десятки лет стояли загоны для скота, принадлежавшего тому или иному татарскому роду.

В 1860 году татары из-за нескольких больших иртышских наводнений покинули насиженное место. Однако пустовало оно недолго. Его присмотрело начальство Тарской тюрьмы. Чиновники подобрали бригаду из послушных каторжников и отправили их добывать рыбу. Так появился Усть-Шиш.

Филиппу Сергеевичу мы оставили памятную доску с барельефом Ермака, которую специально везли из Омска. На наш взгляд, никто лучше этого человека не знает, где ее установить.

На этот раз судьба распорядилась так, что наш видеооператор и геолог Алексей Гнеушев сопровождал рюкзаки на машине в сторону Тары по асфальтированной трассе. Поворачал и согласился. Сергей Воробчуков сел за руль снегохода, а трое его сподвижников: предприниматель Сагадат Кашапов, автор этих строк и руководитель ФГУ «Территориальный фонд информации по природным ресурсам и охране окружающей среды» Игорь Вяткин, уминая друг друга, расположились на узких нартах. Забегая вперед, должен сказать, меня после окончания экспедиции удивит Игорь Вяткин. Я его ни разу не видел с записной книжкой или карандашом в руках, а по итогам нашего похода он опубликует 50-страничный аналитический очерк. И когда успел материала набрать?

А тот маршрут, который выпал нам на вечер, отличался некоторой коварностью. Дело в том, что Знаменский район раскинулся на обоих берегах Иртыша. Если деревни района с левой стороны реки связаны асфальтированной трассой, то селения на правой стороне Иртыша из-за своей редкости соединяются лишь узкой проселочной дорогой. Причем от этого импровизированного большака уходят ответвления в деляны лесозаготовителей. В эту и без того непростую картину дополнительную путаницу вносили падающий мокрый снег, вечер и темень. Самыми неприятными были три часа, когда требовалось пройти около 40 километров безлюдного пространства между двумя соседними деревнями. Потому что никто из нас точно не знал: идем ли мы верной дорогой или углубились в деляну для лесозаготовок. Заглохни снегоход - выбирать сутки-двое. Снег таял, водичка скапливалась на дне нартов и застывала, неприятно холода определенные части туловища. Но пока не начали светиться огоньки очередной по маршруту деревни, на такие мелочи никто из нас внимания не обращал.

Потом был Тарский район. Члены экспедиции посетили Крапивинское месторождение, горно-обогатительную фабрику, прославленные тарские театр и библиотеку. Но уже без меня. Я, поскользнувшись, неудачно рухнул на совершенно ровном месте во время очередного перерыва на отдых. А ребра у людей не из железа.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото из архива автора

В ХОЛОДА ПО ТАЙГЕ

(Окончание. Начало в №12 (1010) от 26 марта 2014 г.)

КРАНТЫ В КАЙСАХ

31 декабря 2006 года у членов экспедиции «Омский север» выдалось богатым на приключения. В обед мы посидели в гостях у Анастасии и Владимира Акуловых из деревни Аксеново Усть-Ишимского района. Потом часов пять шли к деревне Кайсы, крайнему селению того же Усть-Ишимского района. Было заблудились, взяв вправо в лес от основного районного тракта. Дорога для лесовозов, сначала торная, как большак (что и ввело нас в заблуждение) постепенно сужалась, извилисто петляя по ложбинам. Снегоходы и прицепленные к ним нарты кренились под опасными углами. Прочность сугробов на себе испытали, кажется, все. Вылетали с насиженных мест. Первый раз падать страшно, второй - весело. Скорость не высокая, снег - мягкий.

И все же окончательно убедить нас в допущенной ошибке смогли только встретившиеся (в новогодний день в тайге!) лесозаготовители. Парни зарабатывали на кусок хлеба, вывозя на скромном по размерам грузовичке дрова для пенсионеров. На вопрос: «А не обидно ли праздничный день в тайге за работой проводить?» отвечали просто: «Отдохнуть всегда успеется. Если же заказ в срок не выполнишь - другого не дождешься».

Больше всего удовольствия от той ошибки получил экспедиционный фотограф и видеооператор Алексей Гнеушев. Вся дорога - чуть ли не сплошная вереница из редких кадров. По профессии Алексей геолог. Классический геолог. Высокий, широкоплечий, выносливый, незлобивый, готовый сутками рассказывать о приключениях в экспедициях. Он за свою жизнь природных красот вроде бы насмотрелся, ан нет, прямо фотонаркоман какой-то. На его снимках природа женственно-мягкая, притягательная. Она не таит в себе опасности, не пугает суровостью. Смотреть любо-дорого.

Выбрались мы из леса, достигли Кайсов - и тут, прямо посреди улицы, лопнула цепь редуктора одного из снегоходов - «Бурана», которым по очереди управляли мы с Сагадатом Кашаповым. Счастье, что авария случилась не на таежной дороге.

В кочегарке, куда мы притащили свою машину, по собственному желанию собралось с полдюжата механизаторов. Они, мягко оттеснив нас от «Бурана», под незлобивые матерки пытались исправить агрегат. Часа четыре длилась борьба за подвижность машины. Лишь около одиннадцати вечера, а ведь шел не простой, а новогодний вечер, мужики нехотя стали расходиться по домам. Вот эта сельская доброта лично меня и поразила больше всего в нашем трудном 12-дневном путешествии. Замечу, счет ведется с момента выезда из Омска и до дня возвращения в родной город.

Новый год мы справляли в помещении школы по соседству с детским садиком. Курантами служили собственные наручные часы. Справляли без особого веселья и почти без спиртного. Грусти тоже не

Наша газета уже рассказывала, что омский журналист и путешественник Виктор Гоношилов готовит к изданию книгу «О Сибири своими словами». По просьбе редакции автор любезно предоставил нам второй очерк из книги, который будет публиковаться в нескольких номерах «Криминал-Экспресса».

ощущалось. Очередное приключение. Привыкли.

Утро первого дня 2007 года для нас началось обычно. С упаковки рюкзаков, с подготовки в холодную дорогу. Из трех снегоходов, на которых мы вышли в тайгу из Больших Уков, исправным остался один. «Тайга» руководителя экспедиции Сергея Воробчукова.

1 января стал днем появления новой методики передвижения, которую я бы назвал смешанным вариантом. Иногда один из нас ехал по областной трассе на «уазике», груженном рюкзаками, а остальные на снегоходе и прицепленных к нему нартах шли по тайге. Потому что единственный снегоход не мог везти пятерых взрослых мужиков, столько же тяжелых рюкзаков и 100 литров горючего. Иногда снегоход по одному маршруту делал несколько рейсов. Чтобы поочередно перевезти членов экспедиции и рюкзаки к точке назначения. Надо отдать должное Сергею Воробчукову, он практически не вылезал из-за руля снегохода. Не жалел ни машину, ни себя, нас, кстати, тоже не очень жалел. Я поражался его выносливости. Когда мы, вымотанные, останавливались на ночлег в каком-нибудь населенном пункте, он шел на встречу с селянами. Должность депутата Госдумы обязывала. Я же обычно просто падал, чтобы отлежаться.

Но довольно лирики. Покинув Кайсы в 10 утра, пробившись через снежную целину, мы к девяти вечера прибыли в Тевриз.

ТЕВРИЗКИЕ ИЗЮМИНКИ

Настоящим праздничным днем для нас стало 2-е января. Это было что-то вроде дня культурной программы, организованной главой администрации Тевризского района Владимиром Горевым. Мы посетили районный музей, съездили на

облеенном изнутри соблазнительными красотками. Нефть отсюда в котельные района увозят бензовозами.

Екатериновка Тевризского района, сколько бы раз ты в нее ни заглядывал, неизменно вызывает восхищение. Мне никогда не приходилось видеть другой православной церкви, которая будила бы столько светлых чувств, как та, что стоит в Екатериновке. Самый старый деревянный христианский храм Омской области. Построенный еще в эпоху столыпинской реформы для переселенцев, благодаря ярким краскам, которыми покрыт его фасад, всегда смотрится новым. Батюшкой служит отец Георгий, в прошлом житель Москвы. Отдав свыше 20 лет спасению столицы от пожаров и заслужив пенсию, он сейчас спасает души сибиряков.

Хорош музей в местной средней школе. Общее для музеев северной части области заключается в том, что в каждом из них нам демонстрировали кандалы, вырытые из земли местными жителями. Край сибирский - каторжный, кандалный, и откуда от этой правды не денешься. В музее Екатеринбургской школы тоже показывали кандалы. Однако глаза каждого из нас загорелись, когда увидели старинное ружье, из разряда пищалей, которые заряжались через ствол. Бывший хозяин знал о его высокой рыночной стоимости, а все равно отдал в школьный музей.

Очень теплые воспоминания оставил о себе тевризский «голова» Владимир Горев. Невысокого роста, подвижный, крепкий, он подкупал открытостью. Прежде руководил кооперативом «Ураш». Удивительно, что экспериментатор по духу, он в самые суровые перестроечные годы не прекращал экономических опытов и сумел сохранить крепким свое коллективное хозяйство. Став главой района, Горев, судя по всему, не изменился. Весь в поисках нового.